

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК
№ 3 ИЗДАНИЕ
РАБОЧЕГО КРАЯ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА:

Ив. Майоров. Бархатный колокол (рождеств.
рассказ).

М. Без фабриканта (очерк).

С. Зорин. Тяжелые времена (из истории
одного завода (очерк).

Д. Семеновский. Бунт (воспоминания).

Н. Варварин. Фигляр (рассказ).

Стихотворения

Д. Семеновского, Е. Вихрева,

С. Огурцова, С. Селянина.

Карикатуры художников

Д. Моора, М. Черемных.

Без фабриканта.

(В гостях у красны ткачей Большой Иваново-Вознесенской Мануфактуры.)

Большая Иваново-Вознесенская Мануфактура.

Вид на фабрику с Покровской горы.

Вот она, бывшая Куваевская фабрика в городе, который вроде большой деревни, но считается третьей столицей Республики Советов. Это потому, что наши красные ткачи отменно, старательно били белых дворян и купцов винтовкой, пешком и на коне, на суше, на море. Сейчас ни штурмуют тверди небесные, по копейке, по рублику откладывая на эскадрилю «Красных Ткачей», воздушных кораблей.

Даже как то неловко напоминать, что тысячи ткачей сложили свои кости на юге, на западе, на востоке, на севере с криком:

— Вся власть советам!

Мы очень любим тормошить покойников, что-бы похвалить живых, ободрить уставших, упрекнуть малодушных. Но вон на самой высокой трубе красный флаг со словами Б.И.-В.М. Это павшие в гражданских боях ткачи флаг подняли. Когда то, давно тому назад, они смотрели из окон на унылую, грязную, запакощенную фабричными отбросами зловонную реку Увель, в которой полоскались их ребятишки, жены били вальками заплатанное белье.

Безотрадная картина из окон каменного мешка, где прошла жизнь ткача. Нарядные, пестрые весны для других, а для ткача плаксивая, бедная, тоскливая, темная осень.

— Вся наша жизнь была потемки,—вспоминает один из старых ткачей.

Мы толкуем с ним «по душам».

Вы думаете, этот старый ткач для литературного оборота прыгает на одной ножке, очи горе, руки к сердцу и кудахчет:

— Ах, как прекрасно при советах!

Извините. Он мужик основательный. Полученную в заработок мануфактуру пальцем трет, крупу зубом пробует, сапог ногтем скоблит, а прищуренным глазом на хозяйственника смотрит—подмигивает, приговаривая:

— А подметка то не тает. Кабы к моему сапогу, да твою подметку, а?

Таких «не тает» обильно в нашей жизни. Мало заработка, нужда паутиной опутала, безработица трясет лихорадкой, дрова дороги, керосин в цене, масло кусается, говядинки хочется, но—право же так—в словах ткача-старика большое тепло:

Красные ткачихи.

— Авось, как нито выбьемся. Бывало и похуже.

Это про те времена, когда ткач за пудом ржи на тысячу верст ездил. Домой вернулся, а хватъ—осиротели ребяташки: жена в субботу за картошкой поехала, с буфера сорвалась и под колеса. Усталая рабочая спина в три погибели согнулась от такого горя, голова в седицах, две скупых слезы свинцом обожгли дряблую, желтокожую щеку, но... уму непостижимо. Через две недели этот ткач с винтовкой за плечем (на веревочке в узелках винтовка) вставляет последнюю опору своей семьи, бабушку Аксию, на ухо которой кричит:

Юная смена.

Ткачихи—комсомолки.

— В чуланчике муки полпуда, не забудь! С дурандой мешай, там дуранды еще фунтов тридцать. А картошку поберегай, чтобы мешка на весь месяц хватило. Харч кончится, пальто мое сменяй. Пуда два огорюешь на пальто. А там... как нито проживете.

И через месяц этот узкоплечий, чахлый сын фабрики силым, простуженным тенорком бросает в лицо холерных польских легионеров яростное:

— Даешь Аршаву!

Почему это? Вероятно, вот почему. Из окон фабрики виден Туляковский мост. Десятки раз десятки тысяч ивановских рабочих при старых хозяйских порядках бурной лавой текли по мосту в город, к властям и хозяевам, с воплем:

— Жить невмоготу!

Казацкие плети и кулаки полицейских воспитали в тощем, худосочном, золотушном теле кривоногого ткача неукротимую отвагу бунтаря и пылкую смелость человека, которому нечего терять, кроме постылой, темной, душной жизни на гнилых берегах зловонной Уводи.

В ткацком отделении.

Изображая рабочего, у нас частенько ^{**}падают в давно иссохшее литературное русло: сентиментализм. Рабочего стригут под гребенку советской благонамеренности, бреют, душат одеколоном, напомаживают, тщательно причисляют и выпускают на улицу:

— Смотрите, какой приятный. На хороших господ вполне похож.

Это должно обозначать, что рабочий достиг вершины образованности: сморкается в чистый носовой платок, досуг проводит в клубе, выписывает газету, искоренив матершину и занят размышлениями о высоких материях даже когда спит.

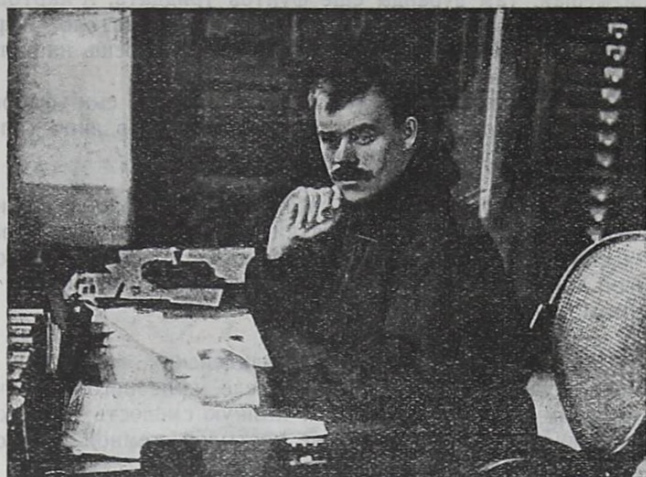
Не ищите в фабрике таких рабочих: они в воображении сентиментальных людей.

Перед дверью сторожки массивная каменная плита, вместо приступки, она здесь, возможно, с основания фабрики. Посредине плиты глубокая ровная яма,—ее пробили в камне, ежедневно ступая по ней тысячами ног. Камень изуродован.

Перед сторожкой со двора группа рабочих. Растопырив руки, пожилой рабочий равнодушно ждет, когда его обшарит сторож. Другие равнодушно ожидают своей очереди. Они вроде изуродованной плиты—старые фабричные порядки воспитали в них тупую привычку к боли, которую каждому причиняет обыск. Это старое. Но вот новое:

—Скоро отменим обыски,—с гордостью сообщает один из них.—На делегатском обсуждали...

Красный директор фабрики.

С. М. Балахнин, слесарь.

У входа в какую-то палатку трескучая матерная брань. Рабочий придавил ногу товарища тяжелой кипой. Равнодушные к брани, идут мимо рабочие и работницы, — привычное дело. Но вот две из них обернулись и бросили краткое:

— Безстыжая рожа!

А в стенной рабочей газете вы прочитаете не один такой упрек. Мы, пишущие, старательно навещаем фабри-

ки, пристально ищем нового и, пробежав по фабричным лестницам, заносим в записную книжку:

1) усиленная борьба с матерщиной,

2) выработки столько-то,

3) газет выписывается столько-то... и т. д., в этом роде.

А потом идем домой и пишем «впечатления», прогостив в корпусах полдня.

Например. Приятнейшая неожиданность. В уголку рабочие пьют чай и в руках каждого газета.

Восклицаешь:

— Они читают газеты!

В голосе такое изумление, как будто газету выучилась читать лошадь. Естественно, рабочие с большим недоумением смотрят на чудака, восхищенного самой обыкновенной вещью для современного фабричного — газетой.

Другой пример. Неприятнейшая неожиданность. Седусый дядя управился с длинным пирогом, вытер ладонью рот, сочно, аппетитно рыгнул, широко перекрестился:

— Слава тебе, господи!

Пожалуйста не падайте в обморок при виде изуродованной плиты при входе в сторожку. И пожалуйста не причисляйте дядю к союзу истинно-русских. На его старой спине два глубоких рубца от казачьей плети на Талке. Эти рубцы он слышит в дурную погоду, когда потирает спину со словами:

— Ушибли, сволочи!

Раздача газет на фабрике.

Политически бунтовщик, в религиозном отношении дядя просто отсталый, темный, несознательный человек, каких не мало и среди светлых, передовых голов.

Знакомый рабочий, который любит читать книжку, всегда на диспутах, лекциях, собраниях.

— Ну, как живете?

— Работаем.

Кратко и точно. Фабрика шумит, гремит, стучит, делает хозяйство разоренной страны.

— Какой заработок?

— Многосемейному мало, а мне и **на это** хватает...

Выразительный щелчок пальцем в шею, пониже уха.

— Что нового у вас?

— А вот, гляди...

Широкий жест приглашает отыскать новое среди старых рабочих за старыми машинами. Как будто все тоже, старое.

— Калинин недавно был. Говорил про немцев. Эх, наших ребят туда бы!..

— А что?

— Да тянут канитель... Дрожжи что ли у немцев плохие? Тоска!

Вот здесь весело и чисто. Светлое помещение, детские глаза смеются. Строгают рубанком, визжит пила,

стучит молотком по зубилу. У токарного станка шестнадцатилетний пролетарий сосредоточенно сморщил черномазое лицо.

В верхнем этаже здесь шестимесячная низшего типа фабричная школа.

Учат слесарному, столярному, электротехническому делу.

— Я своим технологию дерева читаю,—объясняет руководитель маленьких столяров.

Значит, учат не на шутку. Нужны хорошие, образованные, знающие рабочие. Какие изящные ящички для библиотечных карточек делает вон этот молодой человек, строгая рубанком и мурлыкая под нос:

— ...последний и решительный бой!

Все—комсомольцы.

— Стараются ребяташки,—говорит руководитель слесарей.—Любят и подурить, да без этого нельзя. Дети!

Электротехники сообща разбирают какие то мудреные формулы. Перед каждым тетрадка, на столе приборы. Кавалер, чуточку повыше стола, входит, считая деньги.

— Жалованье получал, пять тысяч слишком,—говорит он солидным голосом.—Вот это в союз надо, вот это на кино, а это матери отдам.

Кормилец. Интересно, как мать его называет. Васюткой? Или Василием Петровичем?

— Вставай, Василий Петрович, на фабрику пора.

М.

Подъемная машина в ситце-печатной.

Берет миткаль, выдает нарядные ситца.